

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРМИИ ЛЕТОМ 1758 ГОДА

Ю. М. Попов

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»
(г. Воронеж)*

Поступила в редакцию 11 декабря 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается ход боевых действий, которые вели русские войска в кампанию этого года. Автор раскрывает задачи, стоявшие в это время перед флотом, связанные с внешнеполитической ситуацией. Показана роль флота в поддержании союзнических отношений России и Швеции.

Ключевые слова: летнее наступление, взятие Кольберга, оборонительный союз.

Abstract: we envisage in the article the course of armed hostilities led by Russian troops. The author reveals the fleet missions, concerned with the foreign policy situation of this period. The role of the fleet in maintaining the alliance between Russia and Sweden is shown in the article.

Key words: Summer attack, siege of Kolberg, defensive alliance.

После зимней кампании 1758 г. к середине марта русские войска были расположены вдоль нижнего течения Вислы. Главным театром войны в летнюю кампанию этого года должны были стать Богемия и Моравия, где предполагалось проведение крупных операций австрийских войск против пруссаков. Русская армия под командованием генерал-аншефа В. В. Фермора должна была действовать в Бранденбурге по линии реки Одер. Главные силы армии, достигнув этой реки, должны были двигаться в направлении Старгарда (Штаргарда) – Штеттина, прикрывая действия корпуса генерал-аншефа Ю. Ю. Броуна, который должен был идти в направлении на Глогау – Франкфурт и захватить эти крепости. Армию после этого предполагалось расположить здесь же на зимних квартирах. Для снабжения войск в указанных районах должны были создаваться новые магазины (склады), куда бы свозились собранные на территории неприятеля провиант и фураж, а кроме того и подвоз продовольствия из Польши и магазинов на Висле. Действия русских войск в районе Штеттина должны были оказать косвенную помощь шведской армии [1, л. 182–187].

Первой 5 июня начала кампанию дивизия генерал-поручика П. А. Румянцева. Это объединение состояло из кавалерийских частей армии. Вместе с приданными дивизии казаками и гусарами Румянецв должен был совершить рейд по Померании, выбивая имевшиеся там части немцев, тем самым обеспечивая тыл и правый фланг главных сил,двигающихся в направлении Одера. Кроме этой основной задачи, ему поручался сбор продовольствия для армии и денежной контрибуции [2, с. 267]. Главные же силы русской

армии (1 и 2 дивизии), перейдя от мест расквартирования на Висле, 20–21 июня были собраны у г. Познань. В начале июля войска начали переход к Одери и 15 июля 1758 г. встали лагерем у м. Мезерич. Корпус генерала Броуна двигался от Торуня отдельно от главных сил.

Незадолго до этого, 13 июля, состоялся военный совет руководства армии. По сути, решение совета явилось серьезной корректировкой ранее утвержденного плана кампании. Взятие Глогау корпусом Броуна признавалось нецелесообразным, а задача взятия Франкфурта осталась при этом на повестке дня. Корпус должен был соединиться с главными силами по их прибытии к Одери. Все изменения Фермор объяснял еще и трудностями в снабжении войск, которые действительно имели место. От дальнейшего занятия зимних квартир в районе Одера было решено отказаться, чтобы армия из-за трудностей снабжения «в изнурение не пришла» [там же, с. 307]. Нам представляется справедливой оценка этого постановления Н. М. Коробковым: «В этом документе Фермор пытается показать, что русские войска не могут активно действовать против пруссаков. При внимательном анализе почти ни один аргумент Фермора не может быть признан удовлетворительным. Справедливы только его соображения о нецелесообразности осады крепости Глогау» [там же, с. 304].

После получения письма от командующего австрийской армией графа Л.-И. Дауна 19 июля состоялся еще один военный совет, на котором было решено отказаться и от марша к Франкфурту, а идти от Мезерича к Ландсбергу, а оттуда к Кюстрину. Это решение также обосновывалось наличием крупных сил немцев и большими трудностями со снабжением.

Мнение Фермора постоянно склонялось к тому, чтобы не действовать в Бранденбургии и не переносить операции на другую сторону Одера, а остаться в Померании, поскольку это представлялось ему намного более выгодным выходом для армии ввиду имевшихся возможностей ее снабжения. Но обеспечить регулярное и бесперебойное снабжение можно было, предварительно организовав подвоз всего необходимого морем в ближайший порт на побережье Померании. И впервые о необходимости обладания именно этим местом с указанных позиций было заявлено в решении этого совета: *«В Кольберге, буде есть гарнизон, к сдаче принудить и, таким образом, овладев большею частью Померании... доставить себе водою и сухим путем коммуникацию с Пруссией»* [там же, с. 322]. Захват Кольберга – прусской крепости на побережье – позволил бы не только организовать оперативное снабжение войск морским путем, но и поставить под свой контроль Померанию и вести успешные боевые действия в глубине территории противника. Здесь обращает на себя внимание незнание истинного положения дел в районе Кольберга и отсутствие сведений о наличии сил противника (*«буде есть гарнизон»*), т. е. решение о его взятии возникло спонтанно, в ходе обсуждения сложившейся ситуации.

О выгодах базирования армии в Померании Фермор доложил 21 июля императрице [там же, с. 325]. Но еще раньше, 16 июля, понимая необходимость организации достаточного снабжения, генерал-поручик Г. А. Резанову был передан особый указ императрицы. Ему поручалось сформировать из частей прикрытия, оставленных на Висле, которыми он командовал, особого корпуса для действий в Померании. Корпусу было поставлено несколько задач, но о необходимости выполнения главной из них императрица упомянула особо: *«...превеликую и знаменитую показали бы вы нам заслугу, когда б явились вы у него (у Фермора. – Ю. П.) наконец, хотя при окончании кампании собранными с Померании деньгами и съестными припасами»* [там же, с. 317]. Но в дополнение к этим задачам корпусу Резанова, в состав которого вошло три полка, уже Фермором в соответствии с решением военного совета было указано захватить Кольберг. Подразумевалось, что указанных сил будет для этого достаточно. Но как уже было сказано, состав сил противника известен командованию не был. А это обстоятельство, по сути, ставило под сомнение успех задуманного.

22 июля 1758 г. армия вышла из Мезерича и 2 августа подошла к Кюстрину. Сразу же был начат его обстрел и город был *«...через бомбардирование совсем меньше суток в пепел превращен»* [там же, с. 327]. К 9 августа были приняты меры для установления блокады крепости. Но через три дня, получив

известие о прибытии прусских войск во главе с Фридрихом, армия перешла к Цорндорфу, где 14 августа произошла *«генеральная и пружестоякая баталия»* [там же, с. 330]. Сражение закончилось безрезультатно [3, с. 235], русская армия отошла к Ландсбергу, прусские войска – к Кюстрину: *«...обе стороны приписывали себе победу... русские потеряли более двадцати тысяч человек убитыми... пруссаки потеряли двадцать тысяч...»* [4, с. 19]. Для того чтобы собрать воедино все силы в части и подразделения, которые на момент сражения выполняли другие задачи в разных местах отдельно от главных сил, были посланы распоряжения следовать на соединение с ними. Дивизия П. А. Румянцева, не участвовавшая в сражении, собрав все свои силы воедино, начала движение от Шведта к Ландсбергу, где и соединилась с армией. А к Дризену было приказано следовать *«...генерал-поручику Г. А. Резанову с выступившими к Кольбергу тремя полками, аще оной город и крепость не заняты»* [2, с. 335]. Из этой фразы видно, что взятие Кольберга пока не превратилось в насущную необходимость, а проблема снабжения войск еще не стала во всей остроте перед армией. Но и 23 августа Фермор в реляции императрице докладывал то же самое, т. е. связи с частями Резанова по сию пору не было. Кольберг взят не был, и через некоторое время отряд примкнул к главным силам [там же, с. 345].

Простояв в бездействии до 7 сентября в Ландсберге, Фермор, проведя военный совет, повел армию в Померанию к Штаргарду, поскольку на прежнем месте возникли значительные проблемы со снабжением войск продовольствием. Кроме того, необходимо было начать подготовку к постановке на зимние квартиры. Чтобы кардинально решить указанную проблему и улучшить снабжение армии, Фермору был отправлен указ императрицы о необходимости взятия Кольберга. Во исполнении указа 16 сентября Фермор поручил генерал-майору И.-Х. Пальменбаху *«...занять оной город... при котором крепостца и гавань имеетца»* [там же, с. 347]. На следующий день Пальменбах со своей бригадой и приданными силами выступил к Кольбергу. Выполнение задания, как видно из полученной им инструкции, вначале не казалось командованию армии сложным делом. Но последующие события показали ошибочность такого мнения. Наступали осенние холода, поэтому *«...в рассуждении приспевающей суровой осенней погоды и оказывающегося в здешней околичности недостатка в фураже, также в провианте...»* Фермор 23 сентября собирает военный совет, на котором были обсуждены эти проблемы. Положение сложилось очень серьезное, был принят ряд решений, направленных на улучшение доставки провианта и фуража, эвакуации больных и раненых и о последующей диспози-

ции армии. Среди прочих был обсужден вопрос, касавшийся взятия Кольберга. У генералитета, судя по всему, уже не было уверенности в успехе: «4-е. *Ежели крепость Кольберг генерал-майору Пальменбаху не скоро сдастся, то сему с корпусом к местечку Столле или к армии маршировать приказать*». Но в итоге было решено, что «...*ежели сия крепость не скоро бы сдалась, то генерал-майору Пальменбаху с корпусом следовать к Каласу, где для оного пропитание получить может...*» [там же, с. 352]. Пальменбах же продолжал стоять у Кольберга. Время шло, но главные силы армии каких-то активных действий не предпринимали и продолжали находиться в районе Штаргарда.

Росло недовольство таким положением дел и у руководства страны. Стало окончательно ясно, что ухудшение состояния армии из-за проблем со снабжением можно преодолеть, только организовав подвоз всего необходимого морем в ближайший к месту дислокации армии порт, а это был Кольберг. Опираясь на Кольберг, можно было организовать расквартирование войск на зиму в Бранденбургии, в противном случае возникли бы непреодолимые трудности. Именно эти задачи как главные категорически требовал выполнить от Фермора высочайший указ:

«1-е. Зимние или кантонир квартиры для армии в бранденбургских землях и буде возможно по реке Одер занять.

2-е. Чтоб Кольберг, яко крайне нужное для пропитания армии место, скорее взят был...» [там же, с. 356]. Опять был созван военный совет, и 5 октября в реляции императрице Фермор доложил о невозможности снабжения армии в Бранденбургии, поскольку после двух месяцев нахождения там противоборствующих армий эта территория «...*так вытравлена, что кроме голой земли лесу в той околичности не осталось, а на подвоз провианта и фуража из Померании, которая за песочным грунтом за вывозом оного в Штеттин и к неприятельской армии весьма скудна, как и от магазинов за отдалением надежно полагаться никакими мерами нельзя, умалчивая о двух сильных и немалыми гарнионами и артиллерию снабденными на сей реке находящих крепостях (Кюстрин и Штеттин. – Ю. П.)*». И здесь Фермор был, конечно, прав – без гарантированного снабжения эта задача не могла быть реализована. А гарантия могла быть только при владении Кольбергом. А вот будет ли он взят – не знал никто, что и было указано в реляции: «...*и тако уповательно, что при помощи Божией на сих днях возьмется...*» [там же, с. 357]. Но этого не случилось – после месяца безрезультатных попыток овладеть Кольбергом и безынициативной осадой, воспользовавшись удобным предложением, 19 октября Пальменбах прекратил осаду и увел свои части к армии [там же, с. 370, 372–374]. «*Репортует*

генерал-майор Паленбах, – излагал Фермор свою версию произошедшего события, придавая ему характер объективной необходимости, в письме от 22 октября 1758 г. вице-канцлеру М. И. Воронцову, – *Кольбергскую крепость около месяца бомбардировал и всеми возможными средствами старался к сдаче склонить... по приближении неприятельского сикурса и в недостатке провианта... принужден осаду города оставить*» [5, с. 346].

Конференция, приняв во внимание постоянные ссылки Фермора на неудовлетворительное снабжение армии, 1 октября приняла решение о занятии войсками Гданьска для организации более удобной доставки всего необходимого [2, с. 361]. Руководить войсками, выделенными для взятия этого города, было поручено генерал-майору М. Н. Волконскому. Но это решение было принято в предположении того, что Фермор «...*способ ближе к Одере утвердиться или разбив прусский корпус генерала Дона и ведя войска мимо Гданьска... мимоходом занять сию важную и толь нужную крепость*» [там же, с. 362]. Но 6 октября, получив новую реляцию от Фермора, взвесив все последствия такого шага, Конференция приняла решение отложить взятие Гданьска до более удобного времени. Из письма Фермора графу Воронцову от 23 сентября 1758 г.: «...*неприятельские армии... препону чинят... а подвоз из Пруссии и Польши за отдалением... труден и продолжителен... армию пропитать не можно... скоро морозы настанут... овса и сена... и солому... доставать негде будет... прошу в разсуждение принять, что меня и весь генералитет понуждает к нашим магазинам проиближаться... по Висле реке*» [5, с. 345].

А 9 октября, поняв всю бесперспективность происходящего и то, что изменения ситуации в лучшую сторону не произойдет, руководством страны принимается решение отводить войска за Вислу для занятия зимних квартир. В соответствии с этим 27 октября Фермор начинает отвод войск, и 18 ноября [там же, с. 348], перейдя через Вислу, армия вновь располагается вдоль ее нижнего течения кордоном от Эльбинга к Торну [2, с. 377]. Кампания 1758 г. была завершена.

Такое бездарное завершение кампании вызвало законное недоумение и возмущение не только в России. Свои претензии по поводу неудачных действий русских генералов выразил государственному канцлеру А. П. Бестужеву и представителю Франции в России аббат Берни. «*Мне непонято, – говорил аббат, – каким образом Кольберг не мог быть взят... нет ли здесь какой тайной причины? Осаждавшие Кольберг войска никогда не имели у себя достаточного числа амуниции, присылалось ее к ним всего дня на три, много на пять. Шведский генерал писал графу Фермору, что он от него находится только*

в двух маршах расстояния и что он может доставить русскому воинству всякое продовольствие; несмотря на то граф Фермор удалился от него. Мы... видим... желание императрицы подать помощь своим союзникам, можем полагаться и на храбрость русских солдат, но жаль, что повеления императрицы должным образом не выполняются» [6, с. 458].

По результатам деятельности Фермора на посту главнокомандующего армией, приведшей к такому результату, было назначено секретное расследование [7]. По итогам этого расследования был принят ряд действенных мер по улучшению состояния армии. Фермор же через некоторое время был смещен с занимаемой должности. Но все свои решения он принимал только по результатам военных советов всего генералитета армии. И формально Фермор не мог единолично отвечать за результаты кампании, поскольку так же, как и он, ситуацию оценивало и большинство высших офицеров. Говоря другими словами, фактически ответственным за такие результаты кампании был, за немногим исключением, весь командный состав, что и характеризует его определенным образом.

Поскольку главное направление летнего наступления армии в 1758 г. должно было идти по линии Познань – Одер (Глогау и Франкфурт) и план военных действий строился в расчете на успех армии, то использование основных сил флота во взаимодействии с сухопутными войсками не предусматривалось. Поэтому задачи, которые были указаны флоту в кампанию этого года, исходили из необходимости поддержания союзнических взаимоотношений со Швецией. Выполнению этих задач целиком был посвящен высочайший рескрипт от 11 мая 1758 г. на имя адмирала З. Д. Мишукова [1, л. 37–46], поскольку в это время шла подготовительная работа по продлению оборонительного союза между Россией и Швецией. Он был заключен 25 июня 1745 г. сроком на 12 лет, и это обстоятельство способствовало провалу планов недругов России: *«Весной и летом 1745 года прусские войска в войне за Австрийское наследство нанесли Австрии и Саксонии серьезное поражение, значительно продвинулись в глубь Прибалтики и стали угрожать северо-западным границам России. Одновременно с военными действиями усилилась антирусская деятельность прусской и французской дипломатии в Швеции с целью побудить шведское правительство нарушить заключенный в 1743 году мир с Россией и возобновить войну. Но здесь Францию и Пруссию ждала серьезная неудача. Умеренные, продуманные условия русско-шведского договора в Або позволили в июне 1745 года заключить оборонительный союз Швеции с Россией» [8].* Руководству страны в условиях идущей вой-

ны с Пруссией была ясна необходимость его срочного продления. Несомненной являлась важность этого документа и в перспективе дальнейшего послевоенного сотрудничества между двумя странами. И наконец, 24 июня 1758 г. в Петербурге был заключен трактат о возобновлении указанного союза [9, с. 229–234].

Выход в море основной части флота – Кронштадтской эскадры – состоялся уже после подписания этого трактата, 2 июля. Через пять дней к ней прикнула Ревельская эскадра, а еще через два дня, 9 июля 1758 г., произошла встреча со шведским флотом. Вечером этого же дня объединенный флот подошел к Зунду, где у острова Амагора и встал на якорь. Состав сил флота определялся в соответствии с пунктом 5 вышеуказанного трактата: *«...также девятью кораблями линейными от 50 до 70 пушек и тремя фрегатами, каждой о 30 пушек... вспомогать хочет и имеет...»*, а шведы должны были *«...6 кораблями линейными от 50 до 70 пушек и двумя фрегатами, каждой о 30 пушках... вспомогать»*. Необходимость нахождения кораблей союзников в Зунде объяснялась возможностью появления английского флота (который так и не появился) и являлась наглядным воплощением положений оборонительного трактата. Наблюдение за проливной зоной осуществлялось одиночными кораблями, остальной флот, сменив один раз место дислокации, продолжал оставаться на якорной стоянке вплоть до ухода 28 августа в свои базы. За это время флот решал исключительно политические задачи, куда входила демонстрация своей силы, прием на корабли прибывавших с визитами французских и датских дипломатов, адмиралов шведского и датского флотов. В свою очередь, адмирал З. Д. Мишуков и контр-адмирал С. И. Мордвинов нанесли визит датскому королю. Время нахождения флота в море определилось сроком ратификации оборонительного союза, произошедшей через два месяца после его заключения.

Какое значение придавалось русским правительством взаимодействию и налаживанию отношений со Швецией, недвусмысленно и четко проявилось в ходе выяснения отношений между руководством России и Австрии по итогам только что закончившейся кампании. *«Кампания 1758 года, – как оценивал С. М. Соловьев ее безрадостные итоги, – кончилась неудачно, и в Петербурге не могли не досадовать на австрийцев, которые ничего не сделали для русского воинства ни до Цорндорфской битвы, ни после нее. Русский двор был недоволен венским, а последний складывал вину на Францию...» [6, с. 455].* Именно самооправданию и отрицательной оценке роли Франции в этой кампании и было посвящено послание Марии-Терезии от 19 октября русскому двору. Но

даже несмотря на имевшиеся значительные противоречия во взаимоотношениях и указанные ошибки при ведении кампании, такое обстоятельство, как приложение значительных усилий по вовлечению Швеции в Семилетнюю войну на стороне антипрусской коалиции, явилось главным критерием в положительной оценке этой страны – союзницы России. И в ответе на австрийское послание было сказано следующее: «Правда, Франция сделала большую ошибку, но Франция же старалась и поправить свою ошибку... ее старанием Швеция вступила в войну с Пруссией... Императрица-королева пожертвовала Нидерландами (обещала их Франции. – Ю. П.), чтоб избавиться навсегда от опасного неприятеля – короля прусского; с той же целью императрица российская согласилась на приращение королевства Шведского (возвращение земель, утерянных Швецией в Померании. – Ю. П.)...» [там же, с. 456, 457].

Итак, в эту кампанию задачи флота не были связаны с задачами сухопутных войск, а целиком были подчинены решению внешнеполитических задач государства. После интенсивной кампании 1757 г., которая прошла для флота с полным напряжением

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

*Попов Ю. М., кандидат исторических наук, капитан 1 ранга, преподаватель
E-mail: bars9713@rambler.ru
Тел.: 8-905-052-93-92*

сил и характеризовалась участием в боевых действиях, кампания этого года мало чем отличалась от обычного режима использования в мирное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГАДА. – Ф. 178. – Д. 5.
2. Семилетняя война. Материалы о действиях русской Армии и Флота в 1756–1762 гг. – М., 1948.
3. Большая советская энциклопедия. – М., 1976. – Т. 23.
4. Семилетняя война. XVIII век. – М., 1999.
5. Бумаги государственного канцлера графа М. Л. Воронцова // Архив князя Воронцова. – М., 1873. – Кн. 6.
6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М., 1964. – Кн. XII. – Т. 23–24.
7. Коробков Н. М. Русский флот в Семилетней войне / Н. М. Коробков. – М., 1946.
8. Некрасов Г. А. Международные дела России в правление Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) / Г. А. Некрасов, А. Н. Шапкина // История внешней политики России. XVIII век. – М., 1998.
9. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XV.

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)

*Popov Yu. M., Candidate of Historical Sciences, 1st Rank Captain, teacher
E-mail: bars9713@rambler.ru
Tel.: 8-905-052-93-92*